

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Е.Покровский

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА

Все науки лучше социологии, но прекраснее нет ни одной. Так можно перефразировать слова Аристотеля, сказанные им о древней философии и в каком-то смысле соотносимые с современной социологией. Действительно, в большинстве случаев социология не приносит своим служителям ни славы, ни почета, ни благополучия, но она дарит им нечто иное — веру в себя. Общество — мир, в котором мы все живем, — раскрывает свою неоднозначность и вместе с тем известную внутреннюю предопределенность, в первую очередь, именно перед социологами. А там где есть видение предмета в его множественных смысловых перспективах, там подчас наступает момент истины, пусть даже и частичной. Но и этого оказывается достаточным для того, чтобы укрепиться в своем выборе профессии и науки.

Кто они, российские социологи, в наши дни?

Отличить настоящего социолога от ныне многочисленных и самопровозглашенных *не-социологов* не столь уж и сложно. Социолог (независимо от первоначального образования) — это тот, кто признает бесконечную сложность общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях и, как следствие, невозможность объяснять и решать социальные проблемы в виде шахматной задачи «двух-ходовки». При этом социолог

Покровский Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, зав. кафедрой общей социологии ГУ-ВШЭ, профессор социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Президент Сообщества профессиональных социологов.

Тел.: (095) 152-41-35, 939-46-98.

Факс: (095) 932-88-62.

E-mail: nikita@theo.soc.msu.su

доказывает, что ни одно социальное действие не затухает бесследно, но, напротив, его последствия концентрическими окружностями расходятся по всем азимутам. В этом смысле, «коснувшись цветка, ты потревожишь и звезду». Именно так. И, наконец, социолог не льнет к власти и «начальству», как бы странно это ни звучало. Он, если угодно, на генетическом уровне сохраняет свое дистанцирование от любой власти. Социологу нужна свобода научных суждений и объективность диагноза. В противном случае социология может превратиться во что угодно, но только не в науку, связанную с великими традициями классики и современной теорией.

Эти достаточно очевидные принципы во многом еще остаются у нас чисто декларативными. Многие российские социологи признают все это на словах (по крайней мере, они открыто не отрицают этого), но, по сути, по-прежнему воспитывают в себе и других чисто идеологическое видение профессии. А именно подразумевают присутствие «высших» сил и интересов, будь то государство, экономическая и политическая целесообразность момента, «требования рынка», «русская идея» или нечто подобное из данного ряда. Как мне кажется, здесь идет речь не о злой воле тех или иных социологов, а о жгучей потребности в идеологической опоре, ибо собственно научная наполненность подобной социологии оказывается недостаточной или фрагментированной.

Все это имеет непосредственное отношение к преподаванию социологии как научной дисциплины.

Развитие социологического образования в России 90-х гг. ушедшего века (причем это развитие, естественно, продолжается и ныне) представляло и представляет собой интереснейший процесс. Это было и есть нечто большее, чем сугубо образовательный компонент российской научной культуры, связанный с внедрением относительно новой учебной дисциплины в достаточно крупных масштабах. Речь идет о принципиально ином, а именно о формировании огромного интеллектуального массива, непосредственно связанного не только с трансформационным видоизменением восприятия мира российским интеллектуальным сообществом в целом, но и о включении (через социологию) новых факторов общественного преобразования. В силу своего особого научно-фундаментального и вместе с тем прикладного характера социология более чем другие социальные, не говоря уже о чисто гуманитарных дисциплинах, привязана к этой преобразующей функции. Именно социология способствует, по меткому определению П.Бергера и Т.Лукмана, «социальному конструированию реальности». Совершенно очевидно, что *социология осуществляет концентрированное продвижение вперед нашего комплексного понимания социального мира и тем самым создает этот мир в его различных формах и вариантах, показывает новые логические «связки», обладающие устойчивостью и повторяемостью*. Эта конструирующая функция социологии обычно не столь очевидна для тех, кто непосредственно не занимается нашей наукой («как это можно создавать нечто из ничего?»). Но, тем не менее, факт остается фактом. В той или иной мере, так или иначе, социология сопричастна активному конструированию реальности.

Однако любопытно и другое.

Десятилетие бурного развития социологии в России существенно изменило и наше представление о самой социологии. Причем речь идет не только о некоем одностороннем векторе отношений: мы постигаем социологию, созданную *до* нас и помимо нас (хотя и это имело и имеет место). Видимо, можно говорить и о том, что дисциплинарные рамки социологии, да, впрочем, и ее внутреннее содержание на «выходе» упомянутого десятилетия несколько иные по сравнению с этими же параметрами на «входе» в десятилетие. Социология меняется на глазах, приобретая в чем-то иные очертания. Поэтому не удивительно, что довольно часто наши зарубежные коллеги (невзирая на нашу несколько кислую реакцию) восхищенно говорят о том, что нам в России выпало великое счастье жить в эпоху перемен, когда все меняется с калейдоскопической скоростью. Но ровно с такой же скоростью, добавим мы от себя, меняются и наши социологические представления об обществе, в котором мы живем. Более того, *в течение последних десяти лет постоянно меняется и внутренняя саморефлексия российского социологического сообщества: мнения о том, что такое социология, чем могут и должны заниматься социологи и каково их место в более широком контексте общественной жизни.*

Более чем когда-либо и где-либо процесс экспансии социологического образования приобрел у нас очертания масштабного явления, заслуживающего самого пристального внимания. Поэтому разговор о преподавании социологии видится, прежде всего, не только как обсуждение технологий преподавания и «поддержания на плаву» системы социологического образования в целом и ее частях, но и как попытка осмыслить некие новые параметры и функции «социологического процесса».

Конец 80-х—начало 90-х гг. войдут в историю российской социологии как эпоха Большой Растерянности и Больших Ожиданий. В одночасье было подорвано доверие к марксистским схемам, десятилетиями определявшим развитие обществознания в Советском Союзе. Причем, как это сейчас достаточно ясно, протест вызывал именно идеологизированный марксизм, превратившейся в прежние десятилетия в закостенелый канон, лишенный жизни. Что касается классического марксизма с его гениальной теорией капитализма, то только сейчас, в наши дни он «поражает» в наших учебных программах и научных публикациях в своем оригинальном свете. Как бы то ни было, но в конце 80-х гг. на руинах советского марксизма стала стремительно возникать социология, которая, по логике развития событий, была призвана заполнить образовавшийся вакуум в структурах обществоведческого преподавания, а также в исследовательских стратегиях.

Здесь, однако, как сейчас это стало очевидным, заключалась одна опасность. Состояла она в том, что массовое внедрение социологии в преподавание не основывалось и не могло основываться по ряду объективных причин на коренной трансформации того научно-преподавательского сообщества, которое единственно и могло это преподавание осуществлять на десятках и десятках вузовских кафедр открытых по всей нашей

стране. Иначе говоря, в большинстве случаев за преподавание социологии взялись те, кто вышли совсем из другой «шинели», после упразднения марксизма-ленинизма они остались без работы, но хотели жить и при этом вовсе не намеревались менять с вой прежние установки. С другой стороны, в социологию хлынул поток инженерных кадров — выпускников инженерных и естественнонаучных вузов, также потерявших перспективу в своей базовой специальности, но вдруг обретших «видение» социальной реальности при почти полном отсутствии гуманитарной окраски этого видения. Общество было и остается для многих из них лишь полем математического моделирования и инженерного манипулирования.

В этом смысле массовость социологии сыграла злую шутку с ней. Иногда кажется, что было бы гораздо лучше, если бы социология не превратилась в России в расхожий предмет преподавания, а осталась сугубо академической дисциплиной для узкого круга специалистов.

Однако вернемся к рубежу 80—90-х гг. Именно тогда и возникло Большое Ожидание в отношении будущего российской социологии. Суть его состояла в том, что немногочисленные тогда профессиональные социологи, прошедшие закалку советскими временами, и более широкие круги обществоведов надеялись на то, что объективно возникшая потребность в социологии решительно и необратимо объединит российское социологическое «поле» с международным и сделает российских социологов (в том числе и преподавателей социологии) частью мирового академического сообщества. Этот обнадеживающий взгляд на будущее, но несколько в своем варианте разделяли и наши зарубежные коллеги, полагая, что российским обществоведам недостает лишь света истины в виде учебников, методических материалов, знакомства с практикой преподавания на Западе и т.д. И как только этот свет прольется, думали они, все остальное свершится само собой.

Поначалу события, казалось, именно так и развивались.

По всей стране стало стремительно множиться число социологических кафедр и факультетов, профессиональных социологических ассоциаций, журналов, издательств и пр. Социология стала не только весьма распространенной, но чуть ли не самой модной наукой. Последнее означало то, что многие государственные, политические и экономические организации и институции (например, банки и промышленные группы) стали считать необходимым иметь свои собственные социологические подразделения. Социологические данные (правда, весьма специфически препарированные) зазвучали по телевидению и в других средствах массовой информации. Социология стала непременной частью многочисленных отделов по кадровой работе, избирательных кампаний, маркетинговых исследований, программ PR и рекламы.

На всех «этажах» социальной структуры российской социологии, казалось, шла бурная интеграция со структурами западной социологии. Стремительно росло число обменов студентами, стажерами, преподавателями. Множилось число переводной литературы, издававшейся российскими издательствами. Возникали центры социологического образо-

вания, поддерживаемые либо зарубежными научными фондами, либо конкретными западными университетами, либо теми и другими вместе. Нарастали потоки обмена социологической информацией. Российские социологи активно устремились за рубеж для участия в международных конференциях и совместных исследованиях, а также для преподавания в западных университетах. В обратном направлении ехали видные западные профессора социологии, которых принимали на кафедрах и факультетах социологии. Практически каждая кафедра социологии в российском университете породнилась с кафедрой социологии западного университета. Поездки за рубеж в лучшие западные университеты стали своеобразной рутинной практикой для всех, кто этого только желал, в том числе и среди молодых социологов. И все эти формы деятельности, в общем и целом, обеспечивались финансированием.

Все складывалось как нельзя удачно, и казалось, что единое глобализованное поле международной социологии вот-вот сомкнется с российским.

Однако данный процесс, обозначивший себя на рубеже 80-х—90-х гг. и особенно развившийся в середине 90-х гг., обладал своей внутренней логикой, далеко не всегда совпадавшей с Большим Ожиданием. В чем же возникли эти несовпадения и обманутые надежды?

Прежде всего, экстенсивная экспансия социологии на «территории» российского интеллектуального сообщества оказалась отнюдь не столь линейной, как это первоначально предполагалось.

С одной стороны, далеко не все российские социологи, группы социологов и социологические центры захотели и по объективным обстоятельствам смогли легко и безболезненно влиться в систему международной социологии. Для этого, как минимум, требовались внутренний динамизм и дисциплина, умение энергично осваивать большие массивы *новой* информации и *новой* научной литературы, адаптироваться к *новым* методам преподавания и управления социологическими организациями, ранее доступные в России лишь немногим. Не следует упускать из виду и такую сугубо «техническую» проблему как роковой барьер активного знания иностранных языков — своеобразная Каинова печать, тяготеющая и до сих пор над всеми попытками прорубить большое окно в социологическую Европу и Америку. (Отсюда и затрудненность полноценного общения с коллегами на Западе, боязнь Интернета и другие негативные последствия, включая нередкие элементы ксенофобии в российской науке.)

С другой стороны, и западные социологи в своем большинстве, как мне видится, пребывали в плену утопических иллюзий, полагая, что реформирование российской социологии возможно чуть ли не *over night* (впрочем, эта иллюзия была свойственна практически всем нашим западным контрапартнерам и в других сферах сотрудничества). Западные социологи недооценили сложность и «многослойность» российского интеллектуального сообщества, обладающего не только прогрессистским, но ретроградным вектором. Причем последний подчас обладал и обладает весьма большим потенциалом. Оставались без специального внимания со

стороны наших западных партнеров и культурные различия («матрицы»), присущие российскому обществу, в частности своеобразные культурные дистанции между столицами и периферией, боязнь власти и преклонение перед ней, инерция традиции и т.д. Причем в столицах и регионах «химические реакции» в области интеллектуального труда по объективным обстоятельствам по-прежнему протекают с различной интенсивностью и по несколько отличным схемам.

За последнее десятилетие социологические кафедры и факультеты региональных университетов, а равно и отдельные социологи получили весьма большие возможности для творческого роста. Более того, с середины 1990-х гг. принадлежность к региональной социологической школе стала давать определенные и немалые преимущества в сравнении с школами столичными. Это касается финансирования всех форм академической деятельности за счет научных фондов, поездок на международные конференции, обмена студентами и др. Москва и Петербург во многом перестали быть социологическими столицами в старом, советском смысле слова. Само по себе это было замечательно, ибо создавало сетевую структуру развития социологии по всей стране, когда любая региональная ячейка социологической структуры в перспективе выравнивалась в своих возможностях с традиционными, столичными. Однако эти возможности отнюдь не гарантировали развития тенденции в автоматическом режиме. Требовалась творческая воля со стороны самих социологов. А это, как мне кажется, произошло не во всех случаях. Хотя можно приводить отдельные яркие примеры, свидетельствующие о появлении новых имен и новых программ в социологии, в целом региональные социологические центры раскрыли свои возможности далеко не всегда и далеко не везде. Причины? Их немало. Среди прочих — неразвитость рынка профессионального труда в российских регионах. Даже в большом университетском городе социолог практически «приписан» к своему университету или институту. По-прежнему существует система скрытых внеэкономических зависимостей. Проще говоря, это невозможность найти другое равноценное и, тем более, лучшее место работы в случае, если в этом возникает внутренняя необходимость. Даже в Москве и Петербурге социологическое сообщество достаточно немногочисленно и замкнуто. В малом же городе социологов просто наперечет. К тому же динамика географической мобильности среди социологов по-прежнему весьма невелика, быть может, даже в чем-то ниже, чем в советские времена, учитывая материальные сложности переездов и пр. Поэтому социолог в региональном университете, как представляется, вынужденно живет с оглядкой на соседа или начальство (хотя бы и с точки зрения научных публикаций или защиты диссертаций, не говоря уже о большем), а это, согласимся, ограничивает творческий рост, что бы по этому поводу ни говорили. В итоге российские социологи в регионах с большим трудом преодолевают некую герметичность своего положения. Номинальная и потенциальная свобода их творчества и саморазвития в реальности свободой оказывается далеко не всегда.

К концу 1990-х гг. сложилась весьма запутанная, но и столь же интересная картина, сама по себе заслуживающая пристального исследовательского внимания. Великое Ожидание оправдалось лишь частично. На «выходе» обнаружил себя весьма своеобразный исторический «продукт». Соотношение мыслимого (воображаемого) и сущего (реального) в развитии социологии в России 90-х гг. схематично можно было бы представить следующим образом:

- **Экстенсивный линейный рост всех параметров социальных структур социологии в России 90-х гг.** (прежде всего образовательных структур и прикладных программ, а также социологических инфраструктур). Социологии «много» и «везде», что становится сильнейшим аргументом в пользу некритически оптимистической оценки происходящего в данной профессиональной сфере.

- **Единое поле российской и международной социологии, соответствующее общему глобализационному процессу, на сегодняшний день не сложилось, а глубинная смысловая интеграция в этой области носит довольно фрагментированный характер.** Более того, в конце 90-х годов все явственнее можно отмечать возвратную тенденцию, а именно стремление больших групп социологов, представляющих социологические центры (прежде всего образовательные), создать свою «российскую» социологию, опирающуюся на «свою особую традицию» и т.д.

- **Общая атомизация или фрагментация социологического поля в России, несмотря на внешние признаки консолидации.** (Например, первый Российский конгресс социологии 2000 г. показал, что российская социология пока еще не сложилось в рамках интегрированного сообщества.) По сути, каждый центр ведет свою линию и реализует свое понимание социологического образования, как, впрочем, и самой социологии. Это выражается в отсутствии единых или даже близких учебных программ и учебных планов, в наличии на рынке учебной литературы массы несогласующихся по базовым принципам учебников социологии, в нежелании активно поддерживать общенациональные социологические ассоциации и др.

- **Социологическая культура в российском интеллектуальном сообществе** формируется крайне медленно, что контрастирует с повсеместным присутствием социологии в ее различных номинальных ипостасях. Даже люди, профессионально занимающиеся социологией, нередко видят в ней некую туманную дисциплину, «обсуждающую» общество «вообще». В таком случае практически любое суждение об обществе (тем более глубокомысленное) воспринимается как «социологическое». Подобная *парасоциология*, подчас включающая в себя совершенно ненаучные компоненты (скажем, религиозно-идеологические), замещает или, скорее, вытесняет еще не оперившуюся научную социологию. Это еще больше отдаляет российское социологическое сообщество от мирового.

- **На этом фоне в российской социологии возник такой весьма опасный феномен, как бонапартизм.** Каждое, сколь угодно малое звено в социологической структуре (кафедра, факультет или отдельный социолог) считает возможным устанавливать свои стандарты социологичес-

кого образования (хотя формально, быть может, и делаются реверансы в сторону утвержденных Министерством образования стандартов). Бонапартизм в данном контексте означает позицию «я так вижу и все». Особая научная нескромность фактически стала нормой. Ложно понимаемая свобода научных исследований и преподавания, лишенная внутренней приверженности профессиональным стандартам, превратилась в господствующий фактор. На практике это означает, что для выражения своего Я в социологии вовсе не обязательно иметь большой опыт, публикации, признание со стороны российского и международного профессионального сообщества. Наличие финансовых средств, определенных связей на местном или федеральном уровне и большой деловой энергии обеспечивают «успех» практически любому самопровозглашенному социологу.

• **Объективно на социологическом поле возникло жестокое столкновение нескольких факторов:** а) тенденции плюрализации; б) отсутствие глубокой социологической культуры; в) невыраженность профессиональной корпоративности. Как правило, бонапартизм в социологии обосновывает игнорирование требований международной социологии и уход в свою «своеобычность». (Существенно реже можно столкнуться с бонапартизмом и в виде сектантского западничества, когда тот или иной специалист, прошедший огранку на Западе, нарочито и с сектантской иступленностью противопоставляющий себя «неразвитому» окружению, особенно в условиях регионального университета.)

• Указанные процессы, возможно, имеют **естественный и переходный характер** (но, возможно, и нет). Но в любом случае этот процесс требует аналитической оценки и последующей терапии. Исходной позицией для осуществления терапевтических мер можно считать, прежде всего, установление смысловых стандартов в трактовке социологии и, соответственно, социологического образования.

Все обсуждаемые проблемы российской социологии и ее преподавания, как в зеркале, отразились в издательской деятельности. Книжный рынок, в отличие от преподавательского «поля», обладает чертами большей конкретности, осязаемости. Книга — это в любом случае документ, который можно рассматривать с различных сторон.

Если достаточно методично посещать соответствующие книжные магазины, выставляющие книги по социологии, можно отметить две ведущие тенденции. Во-первых, экстенсивный рост числа изданий. Учебной литературы становится больше и больше. Во-вторых, наряду с ростом числа изданий обнаруживает себя и нарастание хаотичности этого процесса. Во всяком случае, рынок социологической литературы не обнаруживает склонности к саморегуляции, чего теоретически от него ожидали.

Каждый ВУЗ, каждая более или менее институализировавшая себя кафедра социологии стремится создать и побыстрее напечатать свой собственный учебник социологии. В противном случае репутация кафедры будет страдать; мол, что за кафедра социологии, если у нее нет своего учебника. Учебники сплошь и рядом пишут авторы, познакомившиеся с социологией чуть ли не накануне. Их имена не фигурируют в анналах

профессиональных сообществ и не известны специалистам. Весьма часто, беря в руки очередную учебник социологии, профессиональные социологи недоуменно смотрят друг на друга: «Вы знаете, кто это?» — «Первый раз слышу это имя».

Для авторов теперь нет никаких ни внутренних, ни внешних сдерживающих механизмов. В большинстве случаев все зависит только от умения организовать свое время и природной продуктивности, порой не имеющей ничего общего с профессионализмом, а также от способности найти финансирование для публикации. Косвенным образом и издательства поощряют этот непрофессионализм, без разбора обращаясь к любым авторам лишь бы только они выдерживали временные рамки и хотя бы отчасти работали в поле социологии. Объективное экспертное рецензирование практически умерло как жанр научного творчества. Либо рецензии носят формальный и договорный характер, либо их вообще не заказывают. «Самопроизвольность» создания и «проталкивания» своей учебной продукции на рынок социологической литературы стала нормой.

К счастью, из этого правила есть важные исключения. Это издательская деятельность Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Национального фонда подготовки кадров, РГНФ и ряда других фондов.

В этих программах просматриваются логика, стремление ориентироваться на качество продукции, тематическая и междисциплинарная координация. Но и здесь не без проблем. Указанные и некоторые другие фонды, первоначально вложив средства в издание учебной литературы по социологии, к настоящему времени в значительной степени «остыли», видимо, посчитав, что импульс дан и процесс самовоспроизводства качественной литературы должен идти отныне само по себе. Но этого самодвижения, увы, не происходит. Как только ослабевает финансирование со стороны фондов, переключившихся на другие программы (что само по себе понятно), так мы воочию наблюдаем вал непрофессиональной литературы, заполняющей книжные полки.

С позиций читателей социологический книжный рынок также выглядит весьма хаотично. Студенты (и отчасти преподаватели) полностью дезориентированы обилием изданий учебной литературы по социологии. Поэтому даже в ведущих столичных вузах на семинарских занятиях по социологии можно видеть самые экзотические учебники, абсолютно не соответствующие качественным стандартам. Книжные лавки (иной термин подчас не приходит в голову) не ведут никакой разъяснительной и просветительской работы, сбывая в больших количествах социологическую низкопробщину лишь бы был оборот. В конце концов, и книготорговлю можно понять. В наших современных условиях она вовсе не предназначена для просветительства, а борется за свое экономическое выживание. Студенты же — главный потребитель учебной литературы — все более доступными методами стремятся уклониться от приобретения рекомендуемых учебников (весьма не дешевых), предпочитая делать ксероксы отдельных глав, «скачивая» примитивные рефераты через Интернет, либо просто сдавать экзамены без чтения учебников.

В этой связи особого упоминания заслуживают Интернет-сайты по социологии. Число их растет. И многие стали полагать, что все проблемы распространения социологической информации могут и должны быть решены посредством Интернета. При этом упускались из внимания важные обстоятельства. Свобода открытия и наполнения Интернет-сайтов неизбежно влечет за собой и падение качества материалов, размещаемых на этих сайтах. Интернетизация имеет своей обратной стороной некую произвольность, необязательность, вторичность по части содержания. Другое обстоятельство состоит в том, что создание качественного Интернет-портала ничуть не менее трудоемкое и финансово затратное дело, чем, скажем, открытие издательства или запуск на орбиту профессионального журнала. Поэтому на сегодняшний день большинство социологических сайтов, не считая лучших, представляют собой какие-то гибридные формы, составленные из самых разноплановых информационных блоков, рекламы, студенческого «стеба», социологической литературщины и пр. Эта гибридность, в каком-то смысле уже и неотделимая от Интернета как такового, становится серьезным препятствием на пути его полноценного использования в качестве учебного ресурса.

Другой «оргвопрос» тесно связан с борьбой вокруг министерского стандарта по социологии. Стандарт по преподаванию социологии превратился в некий мистический фантом нашего профессионального сообщества. Эти стандарты в их старых, новых и даже еще не родившихся вариантах априорно ругают все, кроме тех, кто их написал и одобрил. Обсуждение стандарта стало наиболее излюбленной темой дискуссий на любом собрании социологов вне зависимости от первоначальной темы. Ни в одной другой стране с развитым социологическим образованием, такого не наблюдается и не о каких государственных стандартах речи не идет. Там эти стандарты целиком устанавливаются профессиональным сообществом в виде различного рода конкурсов студентов и аспирантов, выделения лучших учебных программ и учебников, приглашения на национальные социологические форумы и т.д. Все эти формы по внешнему ходу не имеют силы обязательных предписаний, но влияние профессиональной корпоративности таково, что ни один активно действующий социолог не может их проигнорировать.

Что касается России, то причина столь болезненного внимания к нашему госстандарту по социологии видится в том, что при отсутствии длительных традиций в преподавании социологии и единых для всего научного сообщества представлений о том, что такое социология (а также высокоразвитой социологической культуры) одни кафедры и факультеты во что бы то ни стало стремятся опереться на *формальный стандарт* (в данном случае министерский), видя в нем священную «Книгу Бытия», другие же, давно переросли его требования и потому смотрят на него свысока.

Сколь бы ни трудились эксперты-социологи, составляющие этот стандарт, он всегда будет вызывать обструкцию, даже если предположить, что когда-то удастся создать нечто идеальное в этой области. Дело в том, что любое положение стандарта можно интерпретировать самыми раз-

личными, иногда диаметрально противоположными способами. И это неизбежно, ибо за стандартом не стоит развитая социологическая культура научного сообщества, несущая в себе свой незримый «стандарт». К тому же не секрет, что административная власть министерства не столь велика, чтобы огнем и мечом навязать стандарт сотням центров социологического образования самого различного калибра. Да и функции Министерства образования, надо думать, едва ли должны касаться сугубо содержательной стороны преподавания. И хочется верить, что министерство благоразумно никогда не станет вторгаться в само содержание преподавания социологии и не вступит на тропу войны с кафедрами и факультетами — путь совершенно бесперспективной, как и путь любой иной войны в наших современных условиях. Ситуация, по-видимому, требует иного подхода.

Именно профессиональное социологическое сообщество, как в лице его организаций, так и в самом широком плане могло бы согласовать общие смысловые принципы преподавания социологии и сделать их, если угодно, «мягким стандартом», то есть формально не обязательным, но по умолчанию проводящим границу между профессиональной социологией, с одной стороны, и любыми формами *парасоциологии*, с другой. Увы, без того чтобы конструктивно размежеваться с *парасоциологией*, нам никогда не соединиться. Таков вынужденный итог именно экстенсивного развития социологии в России 90-х гг.

В чем же состоит эта невидимая граница? В начале данной статьи уже обсуждалась основополагающая проблема признания огромной сложности социальных систем и независимости социологии от внешнего идеологизированного влияния в любых его формах. Это составляет необходимую предпосылку. Однако далее идут не менее важные, но более специальные критерии.

Признание принципа социологического мышления (или социологического *воображения*, по Ч.Р. Миллсу), согласно которому социолог должен мыслить в категориях, анализирующих явления, устойчивые по своей структуре и повторяющиеся во времени. В приземленной практике преподавания это означает постоянное тестирование любых явлений социальной реальности в ходе ответа на вопросы: *что* происходит? (выделение факта); *как часто* это происходит? (повторяемость); *как* это происходит? (механизм осуществления функции); *кому* это нужно? (задействованные интересы и группы); *что будет* в будущем? (развитие тенденции).

Как ни странно, эти «детские» вопросы (кстати сказать, на них быстро отвечают именно старшие школьники в ходе довузовских форм социологического образования) обладают большой селективной силой. Для многих «взрослых» социологов неведомы такие, по видимости, простые постановки социологического анализа. Это есть не что иное, как активизация социологического воображения и, соответственно, формирование социологического мышления и социологической культуры. Многие социологи по-прежнему не мыслят в категориях социологических тенденций, и потому любая дискуссия с их участием чуть ли не с порога перерастает

в обсуждение частных, отдельных примеров и субъективных оценок («я так вижу, тем я и интересен»), В итоге все сводится к некому нерасчлененному обмену мнениями в печати или на конференциях, в котором может быть немало ярких суждений, но собственно социологическое содержание в его сухом научном остатке отсутствует.

Принятие согласованной схемы социологических категорий, выработанных в ходе двухвекового развития этой науки во всех странах и усилиями всех сообществ. Разработкой этих категорий по преимуществу занимается так называемая «общая социология». Она составляет естественный фундамент социологии вообще, ибо содержит в себе синопсис всех основных понятий, методов и теорий, входящих в современную социологию вообще. В известной мере можно говорить о том, что свободное знание общей социологии должно стать императивом для каждого социолога. Иного пуги просто нет. В этом смысле любые ссылки на хорошее знание того или иного отдельно взятого раздела социологии (индивидуальная научная специализация) не могут служить оправданием игнорирования корпуса социологических категорий методов и теорий. Здесь-то как раз и проходит граница между социологами и не-социологами, о которой идет речь. Увы, эта граница в рамках российской социологии довольно размыта, а зачастую просто и не существует. Даже такие базовые понятия, как «стратификация», «социальная структура», «социализация», «социальные взаимодействия» и многие другие отсутствуют в менталитете (а отсюда и в речи) многих социологов. Причем речь идет не о профессиональном жаргоне и жонглировании терминами, а о понятийном строе мышления социологов. Это не есть жесткое требование мыслить социологически исключительно в рамках этих категорий. Напротив, преподавание может идти с использованием иных теоретических ориентации, учитывающих индивидуальный профиль конкретного учебного центра. Но в любом случае все преподаватели и учащиеся должны проходить через эту схему, а если и отказываться от нее, то сознательно и убежденно, а не огульно. Даже отрицание этой схемы, как представляется, должно стать единым языковым полем для общения внутри российского социологического сообщества и тем более общения российских социологов с их зарубежными коллегами. Предлагаемая схема такова:

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА
ГЛАВНЫЕ МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КУЛЬТУРА
СОЦИАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ОРГАНИЗАЦИИ
ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ
РАСОВОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО
НЕРАВЕНСТВО ПОЛОВ И ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

СЕМЬЯ
ОБРАЗОВАНИЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ
ПОЛИТИКА
НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВО
ЭКОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ
УРБАНИЗАЦИЯ
КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Представленная общесоциологическая схема легко выделяется в ряде хорошо известных нам учебников, изданных на русском языке. Присутствует она и в подавляющем большинстве англоязычных учебников.

Каждый из указанных концептуальных блоков «разворачивается» на 10—15 конкретных понятий, теорий, принципиальных первоисточников.

Например, возьмем указанный выше «блок» *социальные взаимодействия*. Сюда входят такие общепринятые узловые понятия, как «жест», «смысл», «значение», «символ», «символические взаимодействия», «драматургия», «презентация Я», «этнометодология», «невербальное общение», «физическое дистанцирование», «символика социального пространства и времени», «теорема Томаса». Исчерпывается ли этим все концептуальное богатство социального взаимодействия? Разумеется, нет. Но вне предложенного минимум трудно вести какой бы то ни было разговор о социологических проблемах, касающихся социальных взаимодействий.

Внутри этих концептуальных «блоков» ничто не ограничивает полет преподавательского творчества, как угодно далеко и глубоко трактуящего те или иные феномены социальной реальности и дисциплинарной специфики. Здесь может и должна проявиться индивидуальность профессора или автора учебника. Причем ничто не ограничивает проявление этой индивидуальности. Но общая логика построения социологического дискурса должна быть согласованной в российском и международном социологическом сообществе и опирающейся *на единый концептуальный язык*. В противном случае мы всегда останемся разделенными, всегда выясняющими вопрос, как преподавать социологию, всегда обсуждающими формальный стандарт при отсутствии профессиональных смысловых норм внутри нас самих.